УДК 81'282

DOI: 10.17223/19986645/56/3

Т.А. Демешкина

«ССЫЛКА» КАК ФЕНОМЕН СИБИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ¹

Рассматривается концепт «ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры; анализируется актуализация ментальной структуры в разных дискурсивных практиках, выявляется обусловленность ее варьирования под влиянием различных факторов. Сибирская «прописка» анализируемого феномена подтверждается его осмыслением в сибирской литературе, функционированием топонимов в прецедентных текстах, образным потенциалом лексем с семантикой ссылки, что делает их фактом культуры.

Ключевые слова: диалект, концепт, дискурс, ментальная структура, дискурсивное варьирование, ссылка.

Введение

Региональная лингвокультура является частью русской культуры, широко представленной в устных и письменных текстах различной жанрово-стилевой принадлежности. Предметом анализа в данной статье стала специфика формирования сибирской концептосферы на примере концепта «ссылка», рассматриваемого как феномен сибирской лингвокультуры, проявленный на коммуникативном уровне.

Данные русского ассоциативного словаря свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка Сибирь прочно ассоциируется с наказанием (*высылать 1*), местом наказания (*ссылка 7, каторга 2*), с известными историческими личностями (*декабристы 1*), сосланными в Сибирь, с топонимами, обозначающими место ссылки (*Колыма 1, Красноярск 1*), с обозначениями различных видов учреждений заключения (*тюрьма 1, лагерь 1, ГУЛАГ 1*) [1].

Актуальность исследования региональной концептосферы обусловлена его включенностью в общий контекст комплексного, междисциплинарного изучения Сибири как территории, своеобразной в климатическом, этническом, антропологическом, географическом, историческом, языковом отношении. Выявление речевого своеобразия, связанного с историей освоения Сибири, необходимо для создания общего «портрета» территории, что может служить исследовательской моделью при описании иных территорий.

В настоящее время накоплен большой материал, состоящий из устных и письменных текстов официальной и личной принадлежности, не подвер-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-02043.

гавшийся целостному изучению с лингвистических позиций, что составляет новизну описания. Частично концепт «ссылка» представлен в работах исследователей, посвященных сибирской тематике. Так, С.В. Волошина, анализируя концепт «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян, отмечает большую степень актуализации в его структуре компонента «место ссылки» по сравнению с дискурсом СМИ [2. С. 34]. В.М. Мокиенко, выявляя образ Сибири, представленный в малых жанрах русского фольклора, обращается к мотиву ссылки, устойчиво выраженному в диалектных пословицах и поговорках [3]. В статье О.В. Фельде, посвященной анализу текстов-меморатов, содержится значительная по объему историческая справка, в которой Сибирь представлена как территория ссылки на протяжении трех веков (с XVII в. до середины XX). Внимание исследователя сосредоточено на анализе материалов, относящихся к Восточной Сибири [4].

Новизну данной статьи составляет вовлечение материала, связанного с Западной Сибирью и в частности с Томской областью, представляющей собой территорию ссылки. Основной вектор анализа направлен на материалы, отражающие период массового выселения крестьян в 30-е гг. XX в. в Томскую область, в том числе из соседних с областей. В 1931 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». По информации, опубликованной в 2009 г. в газете «Нарымский вестник», в Нарымский край¹ планировалось выслать более миллиона человек, в то время как все население края в то время не превышало ста тысяч [5].

Анализ разных дискурсивных практик дает возможность создать «объемную», многомерную картину одного из драматических фрагментов русской истории и культуры. Теоретическую значимость составляет вклад представленной модели описания в разработку проблем формирующейся региональной лингвистики как новой отрасли знания.

Материал и методы

В статье анализируются устные и письменные тексты, различающиеся дискурсивной принадлежностью (обыденный и официально-деловой дискурсы), а также авторством: а) устные тексты, записанные от жителей среднеобского бассейна, являющихся носителями русских старожильческих говоров; б) устные тексты людей, подвергшихся репрессиям и отбывавших ссылку на этой же территории, в том числе являющихся старожи-

¹ Нарымский округ был образован в 1932 г. с центром в г. Колпашево и включал несколько районов Томской области: Александровский, Каргасокский, Колпашеский, Кривошеинский, Тымский, Чаинский. В 1936 г. на базе разукрупненных районов были вновь созданы Бакcharский и Парабельский районы, а в 1939 г. – Васюганский, Верхнекетский, Молчановский. Парбигский и Пудинский районы. См.: *Межархивный справочник документов по личному составу*. Ч. 1: Государственные архивы Томской области. Томск, 2000. С. 209.

лами; в) официальные документы, отражающие действия власти по отношению к лицам, отбывающим ссылку. Было проанализировано 89 текстов, извлеченных из Томского диалектного корпуса и содержащих высказывания с анализируемыми лексемами (более 200). Дополнительно привлекались фрагменты художественных текстов, авторы которых были детьми репрессированных либо сами отбывали ссылку. Единицами анализа являются лексемы, высказывания и фрагменты текста.

В качестве основного метода использован когнитивно-дискурсивный анализ, предполагающий выявление специфики актуализации концепта в зависимости от вида дискурса, его основных параметров (более подробно об этом см. в статье [6]. Подходы к анализу, избранные в работе, согласуются с методологией лингвокогнитивной концептологии, которая «использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы» [7. С. 10].

Методологической основой анализа является опора на факторы, лежащие в основе создания модели описания традиционной культуры: локальность, региональность, темпоральность, выявленные нами ранее [8]. Применены приемы контекстуального анализа, количественных подсчетов, что позволило показать семантическое разнообразие и коммуникативную значимость исследуемого феномена. Анализируемые лексемы выбраны из диалектных текстов методом сплошной выборки и распределены по разным лексико-семантическим группам в пределах семантического поля «ссылка» с целью выявления ядра и периферии в структуре концепта. Инвариант ментальной структуры и его дискурсивная реализация проанализированы путем сопоставления разных дискурсивных практик. Анализу также были подвергнуты варианты лексического замещения компонентов сценария ссылки, что дало возможность выявить специфику концептуальных признаков и особенности категоризации «ссылки» в сибирской лингвокультуре.

Обсуждение результатов

Концепт «ссылка» входит в более крупную ментальную структуру «наказание», которая осмысливается во взаимодействии с концептом «преступление» и вписывается в более абстрактную дихотомию «добро – зло». Анализ концептуализации наказания представлен в современных лингвистических работах в аспекте изучения специфики русского национального сознания в сопоставлении с английским языком. Исследуется дискурсивная реализация этого концепта через обращение к художественным и религиозным, юридическим текстам [9]. Семантика лексемы *наказание* определяется как «мера воздействия, применяемая к кому-либо за какую-либо вину, проступок, преступление» [10]. При структурировании этого концепта исследователи выделяют ядерные признаки («следствие вины», «страдание») и не ядерные («возмещение», «статусные отношения», «градация»,

«средство сдерживания») [11. С. 184]. Наказание рассматривается как социо-оценочный концепт, поскольку он «...соотносится в сознании с нормами, которые определяют различные социальные слои и группы» [Там же. С. 196].

Ссылка как вид наказания, используемого органами власти за какой-либо проступок, имеет культурно-историческую маркированность. Осмысление феномена ссылки в устной и письменной коммуникации стало возможным лишь в последние десятилетия, о чем свидетельствуют годы записи текстов, содержащих информацию о ссылке. Основной массив записей, использованных в работе, сделан в 2010–2018 гг. Ядерными речевыми жанрами, в рамках которых эксплицируется анализируемый феномен, являются воспоминания и автобиографические рассказы.

Базовыми репрезентантами описываемого концепта выступают лексемы «ссылать», «ссылка», «каторга» и их дериваты. Глагол «сослать» толкуется в словарях как «подвергнуть наказанию путем принудительного переселения куда-л. (обычно в отдаленное место, район; отправить куда-л. для отбывания наказания)» [12]. Существительное «ссылка» многозначно и определяется как 1) действие по значению глагола сослать – сослать; 2) вынужденное пребывание на поселении в качестве ссыльного; 3) место, куда сослан кто-то (Там же). В среднеобских говорах данная лексема функционирует во всех этих значениях:

1) *Вот мне две ссылки этих вот было. Как я знаю, вот так, моя милая (Парабель)*¹.

2) *Из Алтайского края, к примеру, раньше ссылали сюда, вот в Нарым. Сталин там жил, в ссылке там был. Свердлов жил у нас в Моховой, скрывался. Там один его прятал. Обыски делали. В дому его не нашли, он его в русску печку (Мохово).*

3) *Почему Луговской село назвали, спрашиваете? Говорили, что Луговские – это ссыльные поляки каки'-то были. Здесь ссылка была много годов (Луговское).*

Толкование лексемы «каторга» нагружено историческими, идеологическими и социальными смыслами: «особый вид наказания в царской России и других эксплуататорских государствах, связанный с привлечением к тяжелому физическому труду заключенных в тюрьмах и других местах с особо суровым режимом, а также самые места таких работ». Анализ функционирования лексемы «каторга» в речи старожилов также показывает, что она используется в рассказах о давно прошедших событиях в дореволюционной России: *Дед что – что с урядником рассорился зараз и убил его. И вот в Сибирь сослали. Да. Раньше же в Сибирь на каторгу ссылали, раньше жо здесь была непроходимая троццоба, лес (Нарым).*

Актуализация лексических экспликаторов концепта ссылки в диалектном дискурсе имеет четко очерченный ареал: это северные районы Том-

¹ В скобках указывается село, в котором была произведена запись. Более подробные данные о районе, области и т.д. содержатся в Томском диалектном корпусе (<http://losl.tsu.ru/>).

ской области: Парабельский, Верхнекетский, Колпашевский районы Томской области, которые стали основным местом ссылки в XX в., особенно в 30-е гг. В Томском диалектном корпусе на 30 страницах машинописного текста лексема «ссылка» встретилась 22 раза, ссыльный – 85, ссылать – 68 раз [13].

В записях, сделанных в других районах Томской области, частотность употребления этих лексем значительно меньше и встречается в рассказах жителей, как правило, о людях, которые стали основателями того или иного села. Так, в «Вершининском словаре», отражающем говор села Вершинино Томского района, 9 раз фиксируется лексема «ссыльный»: *Татары жили здесь-ка. Так их выжили отседова. И казак населился. Ссыльный Вершинин. И вот наша деревня, в общем, царь суда послал... ссылали же сюда этих, каторжников. Вот, поселение было* (Вершинино) [14].

Семантическое поле «ссылка» моделируется словоформами разной частеречной и системной принадлежности, входящими в разные лексико-семантические группы: *ссылать, ссыльный, ссылка, репрессия, каторга, каторжный* «бранное слово», *каторжник, политссыльный, политический, репрессированный, раскулачивание, кулачество, раскулачить, окулачить, кулачить, кулак, кулацкий, босячество, лишенец, спецпереселенец, спец, переселенец, поселенец, посельга* «то же, что переселенец», *поселять, надзиратель, стражник, варнак* «о плохом человеке», *босяк* «бедный, нищий человек», *взять, забрать* «задержать, арестовать», *судить, разбирать законом, комендатура, враги народа, арест, коллективизация, сэсыер (эсер), Сибирь, Нарым, Нарымский край, Колпашевский берег (Яр), Сталин, Свердлов*.

«Ссылка» представляет собой концепт-сценарий, в основе которого лежит динамично развивающаяся ситуация. В модель ситуации (пропозицию) входят следующие компоненты: предикат (действие), актанты – участники ситуации (субъекты, объекты), сирконстанты (место, причины, время). В сценарий включается модус оценки.

В реальной коммуникации лексическое замещение получают объекты ссылки (*переселенец, посельга, поселенец*), поименованные по разным признакам, таким как основание для переселения, политическая принадлежность (*политссыльный, эсер*), а также имена собственные известных людей, которые отбывали ссылку (*Сталин, Свердлов*), маркируются место ссылки (*Нарым*), разнообразные действия насильственного, деструктивного характера (*раскулачить, взять, забрать, судить, высылать, ссылать, сослать*). В меньшей степени актуализованы субъекты насильственного действия (*надзиратель, стражник, комендатура*), что свидетельствует о том, что обыденным сознанием власть воспринимается как нечто обезличенное, нерасчлененное; для говорящего не важен конкретный ее представитель, более значимым представляется фокусировка на действии. На синтаксическом уровне это предположение подтверждается преобладанием неопределенно-личных предложений, используемых при описании ситуации ссылки: *Перед коллективизацией ссылали сюда* (Нарым).

Несмотря на то, что все лексемы выбраны из повседневного, обыденного дискурса, большая часть их не свойственна устной речи и относятся к сфере официальной, деловой, книжной речи, о чем свидетельствует наличие абстрактных имен существительных (*коллективизация, раскулачивание*), собирательных (*боячество, кулачество*), устойчивых выражений *враги народа*. Наличие «чужой» лексики в личностно-ориентированном дискурсе – яркий пример инодискурсивного включения, обусловленного «спецификой восприятия дискурса-источника обыденным человеком, сквозь призму которого он оценивает диктумное содержание, к которому обращается [15. С. 258]. Дискурсом-источником в данном случае выступают политический дискурс и дискурс документа, содержащие чуждые для диалектоносителя речевые формы и описывающие чуждые ему явления, для которых нет собственных речевых ресурсов в диалектной системе. Авторы текстов принадлежат как к местным жителям, так и к ссылным – носителям русского старожильского говора, поскольку в Томскую область ссылали крестьян из Новосибирской, Омской, Кемеровской областей, Алтайского края: *В тридцатом году сюда ссылали. С Алтайского края здесь в основном были. [А вы здесь... с рождения живете или приехали откуда-нибудь?] Ну как сказать, мы ссыльные кода'-то были. [Так, а откуда?] Кулаки. Новосибирская область. Чулымский район был, вот оттэль мы это сосланы были (Кришоцеино).*

Были у нас кулаки, их ссылали туда ниже, в Нарым, туда местных кулаков отправляли (Баткат).

И была у нас скотина, и успевали хлеб этот убирать, и ро'стить, и хлеба, бывало, чистые. И даже мы вот, здешние зырянцы – выросли здесь и родились здесь, нас ссылали за это, что мы свой хлеб сеяли, скотину держали. Вот теперь-то стали разбираться (Зырянское).

Сценарий ссылки варьируется в реальной коммуникации в зависимости от фактора адресанта. В текстах, авторами которых являются ссыльные, выступающие как субъекты коммуникации и как объекты наказания, представлен развернутый сценарий. В нем актуализируются компоненты, связанные с моментами вынужденного расставания с родным домом, переживаемые как драматичные. Важную часть в воспоминаниях занимает дорога к месту поселения, укоренение на новом месте, связанное с борьбой за физическое выживание. В сценарий в разной степени включаются модус непонимания, неприятие ситуации и ее негативная оценка: *Я помню, когда нас ссылали. Вот выгнали нас из дому, а папа на кульстане был, уже колхозы были. Папа на кульстане был. А нас, четырёх детей, посадили на лошадь. И всё, что, что мы могли взять, ничё, и довели до Асина. И там посадили нас на баржу', как бы сказать, и в осень уже, в октябре месяце, и вот везли нас до Усь-Карзы'. Там высадили нас. Это было в тридцать пятом году (Парабель).*

Приведенный фрагмент представляет собой объективированное, последовательное изложение событий и организуется акциональной рематической

доминантой, выражаемой серией глаголов с семантикой активного действия (*выгнали, посадили, довели, высадили*), не сопровождается оценкой.

Соотношение объективированного содержания и эмоционально-оценочного компонента может варьироваться в разных текстах: *Как нас сюда же сослать. Ой, ой, как жалко было. Подвели две лошади: «Собирайтесь!» Вот что оделись на себя, в тём, зимой в чё на сани положишь? Нас четверо было. Четыре девчонки. Нас посадили, а тятя с мамой идут пешком, как собачонки бедные. Ой, как вспомнишь, дак не дай бог. А всё осталось, всё осталось* (Парабель).

Первую ссылку мы не попали, а вторую ссылку попали. А как, всё потобрали, куска хлеба не брали. Кулаки, пишут, жили богато. Свою работу работашь, скотину держали, работали, труженики, а людям завидно. А ничего у нас не было, машина – молотья'га была и всё. Не у ка'жного же была. Свиньи были, куры. А щас вот вишь как лёго, нет ничего, и есть нечего. Всё как подумаешь, аж сердце заворачивается, переживим всё, как пережили. Семьями из дома выгоняли, дом и щас там. А потом объявили всем ехать. Куда – неизвестно (Белый Яр).

В основе формирования семантико-коммуникативной основы приведенных текстов лежит, как и в первом тексте, акциональная доминанта (*подвели, посадили, выгоняли, объявили*), но в них велика и доля субъективного эмоционально-оценочного компонента, отражающего личностное переживание автора описываемых событий (*не дай бог, жалко, сердце заворачивается*).

Позиция объекта, над которым совершаются действия, замещается местоимением *нас*.

В активной позиции, как субъекты ситуации, ссыльные проявляют себя, обживаясь на новом месте: *Комендант приехал, вот корчуйте, рубите себе избу. А рубите сразу-то не сказали, а под осень уж строили, а лес на себе таскали, на себе, <что ж>, лошади что ли. И мох ели, и гнилушки ели, всю траву поели. Вот котёл из дому привезли, в котле и варили. Наша жизнь попала самой трудной, тяжёлой. Перенесли горя много, оборвались босьяками. Ну, одежонка-то была, одетая плохонькая* (Белый Яр).

По-иному актуализуется ментальная структура ссылки в текстах коренных жителей. В коммуникации, прежде всего, вербализуются восприятие и оценка переселенцев как чужих по отношению к своей сформированной системе ценностей в данном локальном социуме. Главной ценностью в крестьянском сознании является отношение к труду, умение трудиться: *А, это, потом этих, латышей, присылали суда. Латыши вот рядом с нами жили, дом был старынький. Оне таки работяшые* (Рыболово).

Положительно оцениваются интеллектуальные качества (ум, сообразительность), образованность ссыльных: *Его признали как сэсые'ра [эсера]. Его сослали. Он баикови'тый, а грамота его небольшая* (Городище); *Не просто работники, они грамотны были, украинцы*.

Вне зоны оценочности оказывается принадлежность ссыльного к той или иной национальности, информация о ней служит только целям иден-

тификации: *У нас были грузины' здесь. Гру'зин был работал булга'хтером (Городище); Наших-то уже как-то не так, ссыльных, вот алтайских, там всё. А здесь же были немцы ссыльные, эстонцы там, латыши, поляки (Колпашево).*

Роль чужих осмысляется в аспекте их влияния на уклад жизни местного населения, на способы ведения хозяйства, которые трансформируются под влиянием приезжих: *После войны уже дело было, один тут ссыльный приехал и привёз помидоры эти. Он и образец показал. Как за ими ухаживать надо, всё сказал. И пошли у нас здесь помидоры с тех пор (Парабель).*

Фиксируются отличия в поведении, обычаях, в способах устройства жилища: *Плетню плели были ссы'льные. Мазали и жили (Луговское). Я помню вот, приеду, ссыльных ссылали, им смешно было, что мы верхом – девчонки верхом ездили. Как-то у них это было не принято, а нам это нравилось. Верхом ездили. Сено зимой возили а тоже на санях ездили (Парабель).*

Отрицательно оцениваются вредные привычки, привносимые чужими: *Кури'ть наши предки не курили. Не введёно было. С местности до тридцати домохозяйств было, и никто не курил. Первых два ссыльных из России, из Европы было. Старики смеялись: «От, печки затопили» (Зырянское).*

Как показывает анализ материала, оценка ссыльных местными жителями носит динамический характер и может меняться в зависимости от социального статуса ссыльных, «состава преступления», времени. Положительно оценивались раскулаченные крестьяне, политические ссыльные; осуждаются высланные в более позднее время из городов Центральной России за бытовые проступки и антиобщественное поведение: *Их ссылали людей хороших, а потом стали ссыла'ть всякую холе'ру (Городище); Раньше поселенцы ходили, по баням жили. Ссыльные из Россеи. Я бы что-то украл или друго' непорядочно сделал вот их и ссылают в Сибирь на вольно поселение. Каки' работают, а каки' хлеб продадут да пьянствуют (Мельниково); Печь перекладывали. Ссыл'ну, наслали ссыльных, блатяко'в-то е'тих, они баню и прижгли [сожгли] (Мохово).*

Благодаря тому, что к настоящему времени опубликовано большое количество документов, отражающих период коллективизации и ссылки, у лингвистов появилась возможность сопоставительного анализа концепта ссылки в разных типах дискурса с целью выявления специфики концептуализации основных признаков. В данной статье использованы материалы книги «Нарымская хроника: 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев» [16]. Книга содержит документы разных жанров: протоколы и решения бюро Нарымского окружкома ВКП (б), постановления, докладные записки, справки, инструкции и т.д.

В документах актуализируется преимущественно объектный компонент ментальной структуры ссылки, в высказываниях совпадают признаки «объект наказания» и «объект оценки». Если в текстах, авторами которых являются ссыльные, актуализуется ядерный признак «страдание», то в официальных документах концептуализируется признак «следствие вины». Негативная оценка ссыльных как объекта наказания передается лексемами,

содержащими в своей семантике компонент «враждебность» (*классово чуждые элементы, враждебные элементы, враги, враги колхозного строя, враги народа*): *Классово чуждые элементы, особенно из спецпереселенческих колхозов, саботируют проводимые в районе госпоставки, а также уплату средств по займу и сельхозналогу; Ко всем враждебно настроенным по отношению Советской власти элементам принимаются самые решительные меры; Новый контингент находит себе питательную среду в отдельных людях ранее высланного кулачества; Враждебные элементы; Враги ведут агитацию.*

Во всех трех видах текста, отличающихся типом автора, содержится оценочный компонент, что обусловлено социооценочным характером концепта, структурированным отношением власть – человек. В официальных документах действия ссыльных расцениваются как отступление от социальных норм, как нарушение закона. Эта оценка не совпадает с оценкой в личностном дискурсе, где авторами являются коренные жители, которые оценивают ссыльных не с точки зрения их вины, а с точки зрения обыденного существования в соответствии с нормами, принятыми в крестьянском социуме. Рассогласование разных дискурсивных картин мира обусловлено разным представлением о норме и о ценностях, задаваемых нормой. Ценностной доминантой крестьянского мира, как уже отмечалось, являются труд и материальный достаток, возникающий в результате этого труда. Иное положение дел расценивается крестьянским сознанием как антинорма: *А за чё отца ссылали? Какую-то несчастную эту... соху ли как ли он говорил, имел, ну, пахать, да хлеб сеял и всё. Вот за чё ссылали? Ни за чё. Не одно'го его, сколько посылали тогда людей оттуда... невинных* (Парабель); *Раз машину доржал – кулак! Мало что ли в Нарым ссылали* (Поломошное).

Основной акцент в воспоминаниях ссыльных делается даже не на несправедливости наказания, а на том, что вины как таковой не было, поскольку труд должен быть вознагражден, а не наказан.

Лингвокультурологический потенциал ментальной структуры «ссылка» проявляется:

– в актуализации образного и аксиологического компонентов в различных видах дискурса. Семантика тяжести наказания, невыносимости страдания лежит в основе моделирования сферы, связанной с условиями жизни человека, его поведением, предметами одежды и обуви. Наибольшим миромоделирующим потенциалом обладают лексемы *каторга, каторжный, варнак, кандалы*. В среднеобском говоре функционируют метафоры и сравнения, отражающие семантику наказания, его тяжесть, страдания, связанные с пребыванием на каторге: *Ботинки отдали таки тяжёлы, как кандалы* (Альмяково). *Крестьянска жисть раньше каторга была. Нас семеро было. Их двое. С семи лет косила, на стог поставит, так бросит сено-то. Каторга была, а не жисть* (Колпашево).

Человеческое поведение моделируется посредством лексем *каторжный, варнак, варначка* и оценивается как крайне негативное, осуждаемое обществом, в высшей степени не соответствующее нормам. Так, слова ка-

торжный, варнак употребляются в диалекте как бранные в переносном значении, они отражают отрицательную оценку людей, совершивших тяжкие преступления и заслуженно отбывающих наказание. В них актуализуется семантика «плохой человек», «жулик», «грубый человек» [17]: *Я был каторжный, гулял с девками* (Нарым); *Варна'к – это просто каторжный хулиганит, матери'тся* (Городище); *Он разгово'ристый старик, а старушонка каторжная* (Городище);

– в создании прецедентных текстов (пословицы, поговорки) с топонимами, символизирующими высшую степень страдания людей, вынужденных жить в ссылке: *Кто в Нарыме не бывал, тот горя не знал; Бог создал рай, а чёрт Нарымский край*.

Исследуемый феномен получил прочную «прописку» в сибирской поэзии и прозе в своем художественном воплощении. В контексте нашего анализа особую ценность представляют произведения тех, кто был очевидцем описываемых событий (переселенцев, их детей, коренных жителей), поскольку эти тексты позволяют создать более полную картину анализируемого периода. Приведем лишь один пример из стихотворения В. Герасимова: *Поселения, бараки, колонии / Рубка леса весь год, еще сплав, / Рабский труд – его узаконили, И никто не имел уже прав* [18].

В поэзии также осмысливается символический потенциал топонимов *Нарым, Нарымский край*: *Край Нарымский, богом отринутый, / Только черт тоям этим и рад. / Миром божьим так и не принятый, / Всё считалось – ворота тут в ад*.

Заключение

Проведенный анализ показал, что концепт «ссылка» занимает значительное место в сибирской лингвокультуре. Он характеризуется временной протяженностью, региональностью, социальными и оценочными смыслами, имеет коммуникативную отмеченность. В сибирском дискурсе концепт вербализуется большим количеством лексических единиц, входящих в разные лексико-семантические группы. Так, в речи сибиряков разнообразно представлены наименования ссыльных (*поселенец, спецпереселенец, посельга, политссылный* и т.д.).

Основными речевыми жанрами устной коммуникации, в которых актуализуется концепт ссылки, являются воспоминание и автобиографический рассказ.

Структура концепта варьируется в разных дискурсивных практиках. В личностно-ориентированном дискурсе в речи ссыльных актуализуются процессуальные признаки, в речи коренных жителей в коммуникативном фокусе оказываются восприятие и оценка, в текстах официальных документов отражена деятельностная и оценочная составляющая, базирующаяся на соблюдении законности.

Оценка присутствует во всех типах текста, но осуществляется авторами текста по-разному, в зависимости от той системы ценностей, которую он

считает истинной. Ценностные доминанты коммуникантов лежат в этической и социальной плоскости и связаны с актуализацией смыслов *справедливость – несправедливость, добро – зло, наказание – преступление, человек – власть* и др. Несовпадение ценностных ориентиров в разных социальных группах обуславливает рассогласование дискурсивных языковых картин мира. Лингвокультурологический потенциал концепта ссылки проявляется в его способности формировать образный фонд языка, входить в прецедентные и художественные тексты.

Дальнейшие перспективы анализа «ссылки» как феномена сибирской лингвокультуры связаны с выявлением его отношений с другими концептами региональной концептосферы, с изучением специфики актуализации концепта в разные исторические периоды. Темой отдельного исследования может стать анализ концепта ссылки в художественной литературе.

Литература

1. *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 3 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1998. 204 с.
2. *Волошина С.В.* Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.
3. *Мокиенко В.М.* Сибирь в малых жанрах русского фольклора // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 48–60.
4. *Фельде О.В.* Другие среди своих (на материале устных рассказов коренных жителей северного приангарья о ссылных сталинской эпохи // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков* : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. пед. и науч. деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею. Липецк, 2017. С. 115–123.
5. *Нарымский край – история политической ссылки*. URL: <https://ria.ru/20111029/473362686.html>
6. *Демешкина Т.А.* Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 137–146.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.
8. *Демешкина Т.А., Тубалова И.В.* Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
9. *Смирнова О.М.* Концепт наказание в национальном сознании носителей русского и английского языков: опыт лингвокогнитивного исследования // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 2 (023). С. 54–63.
10. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. Т. 2: К–О. 736 с.
11. *Контимирович А.А.* Наказание // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 2. С. 183–196.
12. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. Т. 4: С–Я. 794 с.

13. *Лаборатория* общей и сибирской лексикографии. URL: <http://losl.tsu.ru/>
14. *Вершининский словарь*. Т. 6: Р–С / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 454 с.
15. *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.
16. *Нарымская хроника 1930–1945*. Трагедия переселенцев: Документы и воспоминания / сост. и коммент. В.Н. Макшеева. М. : Русский путь, 1997. 255 с.
17. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 6. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с.
18. *Лавров Ю.* Зов тех болот. Тюмень : ГАУК ТОНБ, 2018. 152 с.

“EXILE” AS A PHENOMENON OF THE SIBERIAN LINGUACULTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 34–46. DOI: 10.17223/19986645/56/3

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Keywords: dialect, concept, discourse, script, discursive variation.

The subject of the analysis in the article is the specificity of the formation of the Siberian concept sphere on the example of the concept “exile” that is considered as a phenomenon of the Siberian linguaculture manifested at the communicative level. The main body of texts for analysis were oral stories of Russian old-timers, speakers of the Middle Ob dialect, about the period of “peasant” exile (1930s–1950s). Texts of official documents, fragments of poetic texts were used for comparison.

The concept “exile” occupies a significant place in the Siberian linguaculture. It is characterised by temporal length, regionality, social and evaluative meanings; it has communicative markers. In Siberian discourse, the concept is verbalised by a large number of lexical units belonging to different lexical semantic groups. For instance, the Siberians use different names for exiled people (*poselenets* [settler], *spetspereselenets* [special settler], *posel'ga* (dialectal) [settler], *politssyl'nyy* [political exile], etc.).

The main speech genres of oral communication, in which the concept “exile” is represented, are recollection and autobiographical narrative.

The mental structure of the concept varies in different discursive practices. In personality-oriented discourse, procedural signs are actualised in the speech of the exiles; in the speech of the indigenous people, perception and evaluation are in the communicative focus; in official documents, the activity and evaluation components are represented based on respect for the rule of law.

Evaluation is actualised in all types of texts, but differs by authors depending on the value system that one considers true. The value dominants of communicants lie in the ethical and social spheres, and are associated with the actualisation of the meanings of justice – injustice, good – evil, punishment – crime, man – power, and others. The discrepancy between the values of different social groups leads to a mismatch of discursive linguistic pictures of the world.

The linguoculturological potential of the concept “exile” is manifested in its ability to form the figurative pool of the language, to enter the small genres of Siberian folklore, to receive literary expression in the works of Siberian writers and poets who were participants and witnesses of the dramatic period of Russian history.

References

1. Karaulov, Yu.N. et al. (1998) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Book 5. Pt. 3. Moscow: IRL RAS.

2. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept "Siberia" in autobiographical stories of Tomsk peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/2
3. Mokienko, V.M. (2018) Siberia in the small genres of Russian folklore. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 53. pp. 48–60. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/53/4
4. Fel'de, O.V. (2017) [Others among us (on the material of oral stories of the indigenous inhabitants of the northern Angara region about the exiles of the Stalin era)]. *Dukhovnost' i mental'nost': ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX-XXI vekov* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the 21st century]. Proceedings of the International Conference dedicated to the pedagogical and scientific activities of Prof. Galina Vasilevna Zvezdova and dedicated to her anniversary. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 115–123. (In Russian).
5. Ria.ru. (2011) *Narymskiy kray – istoriya politicheskoy ssylki* [Narym region: the history of political exile]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20111029/473362686.html>.
6. Demeshkina, T.A. (2015) Kognitivno-diskursivnyy analiz dialektного teksta [Cognitive-discursive analysis of dialect text]. In: Shumska, D. & Ozga, K. (eds) *Yazyk i metod: Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka* [Language and method: Russian language in linguistic studies of the 21st century]. Vol. 2. Krakow: Wydawnictwo Uniwersyte-tu Jagiellońskiego.
7. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2005) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [The main features of the semantic-cognitive approach to the language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
8. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
9. Smirnova, O.M. (2010) The perception of the concept *punishment* by the national consciousness of Russian and English speakers: the experience of cognitive linguistic research. *Vo-prosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2 (023). pp. 54–63. (In Russian).
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Kontimirovich, A.A. (2005) Nakazanie [Punishment]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
12. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Losl.tsu.ru. (n.d.) *Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii* [Laboratory of General and Siberian Lexicography]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/>.
14. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
15. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Maksheeva, V.N. (ed.) (1997) *Narymskaya khronika 1930–1945. Tragediya pereselentsev. Dokumenty i vospominaniya* [The Narym Chronicle 1930–1945. The tragedy of settlers. Documents and memories]. Moscow: Russkiy put'.
17. Anikin, A.E. (2012) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Is. 6. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
18. Lavrov, Yu. (2018) *Zov tekh bolot* [The call of those swamps]. Tyumen: GAUK TONB.